

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени А.А.ЖДАНОВА

ОТ СТАРОГО ПОРЯДКА К РЕВОЛЮЦИИ

к 200-летию Великой французской революции
Межвузовский сборник под ред. проф. *В.Г.Ревуненкова*

Л.: издательство ЛГУ. 1988

В сборнике рассматриваются основные проблемы политической истории Великой французской революции, 200-летие начала которой в 1989 г. готовится отметить все прогрессивное человечество. Статьи содержат материалы, опровергающие представления, которые пропагандирует буржуазная наука о неизменности социальных структур и политических институтов Старого порядка в послереволюционную эпоху. Особое внимание уделяется проблемам политической культуры. Книга предназначена для историков, обществоведов и читателей, интересующихся историей Франции.

Редколлегия: д-р ист. наук В.Г.Ревуненков (отв. ред.), д-р искусствоведения Н.Н.Калитина, д-р ист. наук Г.Л.Курбатов, д-р ист. наук Г.Р.Левин, канд. ист. наук А.Б.Егоров, канд. ист. наук Н.Е.Колосов, С.Н.Коротков (отв. секр.)

Рецензенты: д-р ист. наук Ю.В.Егоров (ЛГПИ им. А.И.Герцена)
Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Ленинградского университета.

Веб-публикация: *Vive Liberta*, 1 вандемьера ССХХI года
Ссылки на тематически связанные материалы даны нами после текста статьи.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

Текст здесь: <http://vive-liberta.diary.ru/p180910172.htm>

Ревуненков В.Г. (Ленингр. ун-т). Современные интерпретации Великой французской революции

Копосов Н.Е. (Ленингр. ун-т). Высшая бюрократия в политической системе Старого порядка

Озолинг А.Е. (Ленингр. ун-т). Французская памфлетистика при Старом порядке

Шпаковская И.А. (Ленингр. ун-т). Роль периодической печати в политической системе Старого порядка

Пименова Л.А. (Моск. ун-т). О некоторых особенностях дворянского сознания на исходе «века Просвещения» (по наказам дворянского сословия Генеральным штатам 1789 г.)

Текст здесь: <http://enlightment2005.narod.ru/arc/lpimen.pdf>

Лукьянец И.В. (Ленингр. ун-т). Этико-политические взгляды аббата Сен-Пьера (1658—1743)

Коротков С.Н. (Ленингр. ун-т). Финансовая политика Французской революции: характер и итоги

Текст здесь: http://enlightment2005.narod.ru/arc/cambon_tarle_korotkov.pdf

Искюль С.Н. (ЛОИИ АН СССР). Дворянские привилегии и дворянство в эпоху революции

Соколов О.В. (МИАИВВС). Высшие офицеры французской армии и революционное правительство 1792—1794 гг.

Куркина Ю.В. (БАН АН СССР). Вареннский кризис и французское общественное мнение (по материалам памфлетов эпохи Великой французской революции)

Плавинская Н.Ю. (ИВИ АН СССР). «Дух законов» Монтескье и публицистика Великой французской революции 1789—1799 гг.

Текст здесь: <http://www.montesk.info/article/plavin1.html>

Хлобыстин А.Л. (Гос. Эрмитаж). Л.-Л.Буальи — художник эпохи Великой французской революции (опыт социологической интерпретации)

Калитина Н.Н. (Ленингр. ун-т). О празднествах эпохи Великой французской революции

Сергей Николаевич Искюль

ДВОРЯНСКИЕ ПРИВИЛЕГИИ И ДВОРЯНСТВО В ЭПОХУ РЕВОЛЮЦИИ

К концу XVIII в. «второе сословие» французского общества отнюдь не представляло собой сложившегося однородного единства. Глубинные процессы в социально-экономической сфере, затронувшие основные категории классовой структуры, существенно изменили положение как дворянства в целом, так и отдельных его групп. В последние десятилетия века очевидным было размывание родовитого дворянства (аристократии) и его слияние с дворянством служилым — судебским и чиновничьим, так что непосредственно перед революцией «дворянство шпаги» и «дворянство мантии» по ряду существенных признаков ста-

новились понятиями весьма относительными. Это размежевание сословных групп дворянства характеризовалось известным обуржуазиванием некоторой части аристократии и провинциального дворянства, которой оказались близки не только материальные выгоды предпринимательства, но и определенный либерализм общественно-политической мысли (характерный для обеспеченных групп «третьего сословия»), такой каким его можно себе представить к концу XVIII в.

Подробное и критическое изложение важнейших событий в истории дворянства эпохи Революции обычно не входит в задачу историков, создателей общих трудов о революционном периоде французской истории. Существующая интерпретация, восходящая за некоторыми модификациями еще к А. Олару, предлагает весьма общую трактовку участия дворянства в революционных событиях конституционного периода, оставляя за ее пределами многие аспекты темы. События «дворянской» истории Французской революции эта, утвердившаяся и в отечественной историографии, интерпретация традиционно рассматривает в рамках законодательной деятельности Учредительного собрания, освещая те моменты его деятельности, в которых так или иначе затрагивался вопрос о дворянстве. При этом выступление дворянских депутатов в пользу отмены дворянских привилегий и самого наследственного дворянства обычно трактуется как стремление дворянства обезопасить себя перед лицом широкого народного движения, путем отказа только от тех прав и привилегий, которые уже потеряли свое значение с началом революционных выступлений. Тот факт, что законодательное оформление этих актов происходило не сразу, объясняется стремлением дворянства в лице его депутатов сохранить возможно большее число дворянских привилегий.

Анализ последних исследований (главным образом французских историков), посвященных истории дворянства и его отдельных групп,¹ приводит к выводу о том, что тема дворянства, и в первую очередь либеральной аристократии, в революционном движении (в котором со стороны последней, по-видимому, не всегда имело место политическое «блокирование» с крупной буржуазией)² нуждается в серьезном исследовании. «Раскрыть

¹ Ford F. L. *Robe and Sword*. New York, 1965; Richet D. *Autour des origines idéologiques lointaines de la Révolution française // Annales E. S. C.* 1969. N 1. P. 1—23; Bitton D. *French nobility in crisis*. Stanford, 1969; Groubert P. *L'Ancien Régime*. Paris, 1969. Vol. 1—2; Mousnier R. *La société française de 1770 à 1789*. Paris, 1970. Vol. 1—2; Lucas C. *Nobles, bourgeois and the origin of the French revolution // Past and Present*. 1973. N 60. P. 84—126; Richard G. *Noblesse d'affaires au XVIIIe siècle*. Paris, 1974. — Особо отметим специальные работы и обобщающий труд Ж. Мейера: Meyer J. 1) *La noblesse bretonne au XVIIIe siècle*. Paris, 1966. Vol. 1—2; 2) *Un problème mal posé: La noblesse pauvre // Revue d'Histoire moderne et contemporaine*. T. XVIII, avril—juin 1971. P. 161—188; 3) *Noblesse et pouvoirs dans l'Europe de l'Ancien Régime*. Paris, 1973.

² Ср.: Манфред А. З. *Великая французская революция*. М., 1983. С. 26.

законы жизни и смерти феодальной аристократии — такой становится ныне одна из задач историка Французской революции», — писал А. Собоуль в полемической заметке «Sur une prétendue "Révolution des élites"». ³ Неожиданный интерес видного историка к проблеме дворянства в эпоху революции не случаен и вполне объясним. На протяжении многих лет, отмеченных многими плодотворными исследованиями по истории крестьянства, санкюлотского движения, институтов и политики якобинской диктатуры, проблема дворянства традиционно трактовалась в рамках представлений о «консервативной социальной силе, связанной с феодальными отношениями, враждебной прогрессу и революции», которая доказала свое изначальное враждебное отношение к революции последующей эмиграцией и деятельной поддержкой контрреволюции. ⁴ Ныне именно эта проблема стала стержнем нового своеобразного прочтения истории Французской революции. Явление, в сущности говоря, вполне обычное в историографическом смысле, и историк санкюлотского движения выступает не столько, может быть, против представителей этой «реинтерпретации», сколько за всестороннее раскрытие истории дворянства, необходимого для углубленного и обстоятельного изучения Французской революции.

Особый интерес в этом отношении представляет позиция дворянства, отдельных его представителей в вопросе о дворянских привилегиях и упразднении наследственного дворянства, тем более, что трактовка событий политической истории при том, что история отдельных социальных групп (в данном случае дворянства) остается до настоящего времени не изученной в отечественной историографии, неизбежно сопровождается разного рода терминологическими несоответствиями, не точным толкованием тех или иных аспектов экономического бытия или вопросов социально-политического порядка, принижением или преувеличением значения тех или иных моментов политической истории и участия в них различных слоев общества.

Вопрос о дворянских привилегиях, который неоднократно обсуждался на протяжении всего «конституционного» периода в Учредительном собрании и в широких кругах французского общества, как известно, был вынесен на обсуждение Учредительного собрания 4 августа 1789 г. Вечернее заседание открылось чтением проекта Декларации прав (и обязанностей) человека и гражданина, обсуждавшегося на утреннем заседании и переданного в редакционный комитет. Однако скоро стало яс-

³ Soboul A. Trois notes pour l'histoire de l'aristocratie: Ancien Régime-Révolution // Noblesse française — Noblesse hongroise XVIe—XIXe siècles Paris, 1981. P. 86.

⁴ Пименова Л. А. Дворянство Франции ко времени Французской революции конца XVIII в. (по материалам современных исследований) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8: История. 1982. № 4. С. 52.

но, что текст слишком несовершенен и обсуждение может не оправдано затянуться тем более, что перед Собранием стояла и другая задача: как успокоить брожение и волнения в провинциях, особенно усилившиеся к началу августа.

На заседании под председательством Ле Шапелье был прочитан «Arrêté relatif à la sûreté du Royaume», которое заключалось в подтверждении прав собственности, ранее установленных налогов и принятых законов. Вслед за этим выступил виконт де Ноай, заявив, что «цель проекта постановления состоит в том, чтобы приостановить волнения провинций» и что ради этого необходимо до издания постановления удовлетворить некоторые требования «общин». Он предлагал объявить, что налоги будут взиматься «пропорционально доходам», все *charges publiques* будут отменены, феодальные права будут позволено выкупать или обменивать на «справедливо установленных оснований», а сервилльные повинности упраздняются без выкупа. После этого выступления Учредительное собрание больше не возвращалось к проекту постановления о безопасности королевства и занялось исключительно вопросом о дворянских привилегиях.

Герцог д'Эгийон, выступивший за Ноаием, расценил народные выступления как «препятствие» на пути к свободе (поскольку они усложняли положение Собрания) и подчеркнул, что они посягают на «священное» право собственности. Вместе с тем он находил им некоторое извинение в тяжелом положении народа и злоупотреблениях управляющих поместьями. Далее д'Эгийон, воздав должное «здравой» философии века Просвещения, призвал Собрание в целях обеспечения общественного доверия еще до принятия конституции продемонстрировать готовность пойти навстречу чаяниям народа и немедленно «установить равенство прав, которое должно существовать между всеми людьми и которое единственно может утвердить их свободу». Но д'Эгийон не призвал требовать полного отказа (*la renonciation pure et simple*) от всех феодальных прав, поскольку эти права есть собственность: «Они являются единственным достоянием многих владельцев, и справедливость запрещает требовать отказа от какой-либо собственности без справедливого вознаграждения...». Исходя из этого, д'Эгийон предлагал, чтобы Собрание провозгласило, что налоги будут вноситься всеми гражданами пропорционально их средствам (*la faculté*) и что «отныне феодальные права фьефов и сеньориальных земель будут выкупаться вассалами тех самых фьефов и земель, если пожелают; что возмещение будет вноситься в сумме, определенной Собранием...». Затем герцог д'Эгийон предложил Учредительному собранию принципы, которые легли бы в основу окончательных постановлений:

1. Налоги были бы не столь обременительны, если бы были

распределены равным образом на всех граждан в соответствии с доходами.

2. Справедливость требует, чтоб точная пропорция соблюдалась.

3. Корпорации, города, общины и отдельные граждане, которые до настоящего времени пользовались особыми привилегиями (освобождением от налогов), «в будущем будут без всякого различия платить налоги», выполнять иные общественные повинности.

4. Все феодальные и сеньориальные права рассматривать как «тягостную дань» (*une espèce de tribut onéreux*), которая вредит хозяйству и опустошает деревню (вместе с тем в проекте должно было быть подчеркнуто, что эти права являются собственностью, каковая остается неприкосновенной).

За герцогом д'Эгийоном выступил Дюпон де Немур, но его выступление было целиком посвящено необходимости соблюдения законности и порядка, причем он предложил вотировать обязанность каждого гражданина подчиняться законам, уважая свободу и права других граждан.⁵ Это выступление было очевидной попыткой перевести обсуждение главного вопроса в иную плоскость. Так оно и было воспринято. Маркиз де Фуко, выступая за де Немуром, сказал, обращаясь к залу: «Неужели этот тщетный призыв обращен к нашему великодушию? Ведь именно мы должны пойти на жертвы, благодаря коим хотят восстановить порядок в королевстве... Знайте же, что ни один из нас не помышляет отказать себе в этом... Я требую одного, чтобы та часть дворянства, состояние коей умножается, растет и увеличивается милостями двора, платила самую большую часть налогов, платить которые вменяют нам в обязанность». Требования маркиза поддержали герцоги де Гиш и де Монтемар, заявив, что «вся та часть дворянства, на которую указал де Фуко, всегда будет почитать себя счастливой тем, что облегчит ношу тех, кто... лишен возможности пользоваться благодеяниями короля».⁶

Депутат от Нижней Бретани Ле Ген де Керангаль заявил, что «злоупотребления» народа правами, провозглашенными в Декларации прав человека и гражданина, вынуждают «положить умелой рукой пределы, кои он не должен преступать...». Вместе с тем он, упомянув о пожарах и разрушениях замков, сказал, что «народ в нетерпении добиться справедливости и, усталый от притеснений, торопится разрушить эти права, памятники варварства наших предков». «Будем справедливы, господа, — продолжал далее депутат, — что приносят нам документы, подтверждающие феодальные права, которые оскорбляют

⁵ Gazette nationale ou Moniteur universel. 1789, 4 août. N 33. P. 140.

⁶ Du Laure J. Esquisses historiques des principaux événements de la Révolution française. T. I. Paris, 1825. P. 254—255.

не только чистоту нравов, но само человечество. — Что приносят нам эти документы, которые унижают род человеческий, требуют, чтобы люди впрягались в телегу, подобно пахотным животным... которые вынуждают людей проводить ночи, коло́ть по воде прудов, дабы помешать лягушкам смущать сон их сладострастных сеньоров. — Кто из нас... в этот век Просвещения не сложил бы искупительный костер из этих гнусных пергаментов и не поддерживал бы огонь, чтобы принести тем самым жертву на алтарь общественного блага? — Вы восстановайте... спокойствие лишь тогда, когда обещаете народу, что обратите в денежное обложение, выкупаемое по доброй воле, все какие бы то ни было феодальные права... Скажите же ему, что признаете несправедливость прав, приобретенных во времена невежества и мрака».⁷

Затем вновь выступил герцог д'Эгийон. Он заявил, что «нужно согласиться с необходимостью пожертвовать феодальным устройством страны ради свободы и конституции». В противном случае, сказал он, будут и дальше существовать права шампара, налоговые злоупотребления, сутяжные секретари и проч. «Перед лицом тирании аристократии и деспотизма общество, как и прежде, будет бедственным. Мы не выработаем справедливых законов иначе, как положив в основу всего сущего уложение, которое искореняло бы рабство...» Д'Эгийон призвал последовать примеру «английской Америки, страны, в которой существуют только собственники, не знающие феодальной зависимости». Герцог признал справедливость ранее предложенного постановления, но заявил, что, несмотря на справедливость этого *arrêté*, это не должно умалять значения собственно разрушения ненавистной народу системы феодальных отношений в деревне, которые самым разрушительным образом воздействуют на и без того печальное бытие мелких сельских собственников. «В этом, — подчеркнул д'Эгийон, — единственное средство остановить угнетение подданных и сохранить законные права сеньоров».⁸

Речь была встречена бурными аплодисментами, ибо едва ли депутатам было очевидно противоречие между выраженным стремлением искоренить «гибельные формы» угнетения и сохранением самих прав сеньориального землевладения. Соревнование в благородстве, «Le combat de générosité», как отмечает современник событий, известный историк Ж. Дюлор, на этом не закончилось,⁹ депутатов охватил энтузиазм.

Виконт де Богарне предложил декретировать равенство всех «классов» граждан при поступлении на любые должности, будь то церковные, гражданские или военные.

Выступивший за ним герцог де Шатле, поддержав ранее

⁷ Moniteur universel. 1789, 4 août. N 33. P. 140.

⁸ Ibid. 1789, 4—5 août. N 34. P. 142.

⁹ Du Laure J. Esquisses historiques... P. 255.

внесенные предложения, вынес на рассмотрение собрания во-прос о замене десятины (la dime) денежным налогом. Им был предложен выкуп десятины, подобный тому, который был бы установлен для сеньориальных прав.¹⁰

Виконт де Монморанси предложил тотчас же декретировать все предложения по отмене дворянских прав (назначенный министром иностранных дел в эпоху Реставрации, виконт с трибуны Палаты депутатов счел за благо отказаться от своих слов, высказанных в поддержку упразднения дворянских привилегий в ночь на 4 августа 1789 г.). Маркиз де Кюстин потребовал, чтобы все предложения были поставлены на голосование, что было поддержано герцогом де Монтемаром, подчеркнувшим необходимость сделать это безотлагательно.

Затем выступил Ле Пеллетье де Сен-Фаржо и заявил, что народу нужны не только надежды, но и нечто вполне реальное. «Мы постановили, что временно налоги будут вноситься, как и прежде, т. е. мы предоставили духовенству и дворянству преимущество в освобождении от налогов до того момента, как оно будет отменено. Почему же мы медлим и не декретируем эту отмену?..» Депутат предложил, чтобы с начала 1790 г. все сословия без исключения пропорционально несли налоговое бремя, а пока Ассамблея должна установить принципы налогообложения.

Депутат де Ришье потребовал, чтобы отныне правосудие от-правлялось бесплатно, чтобы была провозглашена отмена про-дажи должностей.

Герцог де Ля Рошфуко-Лианкур выступил с требованием ликвидации крепостной зависимости во всем королевстве и «смягчения» положения рабов в колониях.

В заключение герцог де Кастри заявил о том, что он отка-зывается от своего баронского поместья (la baronnie) в Ланге-доке. Его примеру последовали депутаты де Лятур-Мобур, д'Этурнель и де Лямет, отказавшиеся от своих поместий в Артуа.¹¹

В согласованном виде статьи постановления об отмене дво-рянских привилегий выглядели следующим образом:

1. Отмена крепостного состояния и «права мертвой руки», под каким бы названием эти права ни существовали.
2. Возможность выкупа или обмена сеньориальных прав.
3. Отмена сеньориальной юрисдикции.
4. Отмена исключительного права охоты, владения голубят-нями и права на разведение кроликов.
5. Установление денежного налога вместо десятины. Возмож-ность выкупа какого бы то ни было рода десятины.
6. Отмена всех денежных привилегий и иммунитетов.

¹⁰ Moniteur universel. 1789, 4—5 août. N 34. P. 142.

¹¹ Dulaure J. Esquisses historiques... P. 258—260.

7. Установление равного налогообложения в соответствии с тем порядком, который будет установлен провинциальными ассамблеями.

8. Допуск всех граждан к гражданским и военным должно-стям.

9. Объявление о предстоящем установлении бесплатного судопроизводства и запрещение на продажу должностей.

10. Отмена частных привилегий отдельных провинций и го-родов.¹²

Людовик XVI долго колебался, прежде чем санкционировал проект декрета Учредительного собрания. В письме архиепископу Арльскому король писал: «Я доволен благородным и ве-ликодушным шагом двух первых сословий государства. Они пошли на великие жертвы ради всеобщего примирения, ради отечества, ради короля... Жертва прекрасна, но я могу лишь восхищаться ею: я никогда не соглашусь на ограбление моего духовенства, моего дворянства... Я не дам моей санкции декре-там, которые ограбили бы их: в противном случае однажды французский народ мог бы обвинить меня в несправедливости или слабости... Я сделаю все, что будет зависеть от меня, что-бы сохранить мое духовенство, мое дворянство... Если сила вынудит меня санкционировать декрет, я уступлю; но в таком случае во Франции больше не существовало бы ни монархии, ни монарха».¹³ Сам тон письма объясняет, почему король сан-кционировал постановление только во второй половине сентября. В своем ответе Учредительному собранию Людовик XVI в ос-новном одобрил постановление от 4 августа, но согласившись с одними и предложив рассмотреть более обстоятельно другие статьи.¹⁴ Окончательное утверждение постановления последо-вало 21 сентября 1789 г., к чему вынудили продолжавшиеся восстания в Керси, Бретани, Франш-Конте, разрушение замков, бегство сеньоров из разоренных поместий в города, а также не-однократные представления Учредительного собрания о необ-ходимости утверждения всех статей постановления.

Стенограмма заседания Собрания, вынесшего решение об отмене дворянских привилегий, опубликованная в «Монитере», сопровождалась примечательной заметкой, отражавшей тогдаш-нее умонастроение широких кругов французского общества. «В одну ночь облик Франции изменился, — говорилось в Примеча-нии к стенограмме заседания, — Старый порядок, который со-хранялся, несмотря на сопротивление сотни поколений, был низ-провергнут. За одну ночь пресловутое древо феодального строя, тень коего покрывала всю Францию, было повержено. За од-

¹² Moniteur universel. 1789, 4—5 août. N 34. P. 144.

¹³ Batjain N. Histoire complète de la Noblesse de France: Depuis 1789 jusque vers l'année 1862. Paris, 1862. P. 27.

¹⁴ Moniteur universel. 1789 du 16 à 18 sept. N 59. P. 244.

на право, подтвержденное старинными грамотами, присваивал плоды его трудов, пил его кровь и пожирал плоды его бессонных ночей. Дворянин вновь занял то место, которое предназначалось ему природой и разумом. За одну ночь вся триада власти — феодальной, аристократической, судебной — была уничтожена...»¹⁵

Разумеется, здесь отчетливо можно заметить стремление видеть в желаемом действительное, ибо вопрос об охране прав собственников, в том числе и сенсоров, решался дворянскими депутатами Учредительного собрания вполне определенно, и в их понимании не было никакого противоречия между провозглашением прав человека и гражданина и практическим осуществлением этих прав, включая и вопрос о сенсориальной собственности и юрисдикции. С другой стороны, проблема дворянских привилегий была решена Учредительным собранием только отчасти, что неизбежно должно было проявиться в самом ближайшем будущем.

19 июня 1790 г. на вечернем заседании Учредительного собрания выступил депутат графства Артуа Александр де Лямет. Он высказал мнение, что у подножия пьедестала монумента Людовику XIV на площади Победы должны быть сняты (перед 14 июля, назначенного для праздника Федерации) статуи, так как они выражают собой идеи рабства. «Ныне это памятник тщеславию, — воскликнул депутат от Виль-Франш-де-Руэрг Ламбель, — я требую, чтобы кому бы то ни было было запрещено носить титулы графа, барона, маркиза и т. д.». Шарль де Лямет, полковник кирасиров, поддержал это предложение: «Титулы, которые он предлагает уничтожить, оскорбительны для равенства, которое является основой нашей конституции»,¹⁶ «они берут свое начало из феодального режима, который вы уничтожили, они не могут более иметь право на существование, ибо являясь собой выражение бессмысленной непоследовательности...»¹⁷ Он высказался за то, чтобы всем гражданам было запрещено употреблять в актах титулы пэра, герцога, графа, маркиза и т. п. Ш. де Лямет заявил также следующее: «Наследственное дворянство оскорбляет разум и истинную свободу; нет политического равенства, нет и стремления к добродетели там, где граждане обладают иным достоинством, нежели то, которое присваивается ими по должности, иные знаки уважения, нежели те, коим обязаны своими делами. Следует, таким образом, в равной степени запретить пользоваться в актах титулом дворянина. Что касается тех, — добавил граф де Лямет, — которые устно или на бумаге попытаются использовать

¹⁵ *Moniteur universel*. 1789, 4 août. N 33. P. 139.

¹⁶ *Ibid.* 1789 du 16 à 18 sept. N 59. P. 33—34.

¹⁷ *Batjain N. Histoire complète...* P. 38.

эти ребяческие отличия, то общее мнение накажет их, заклеит мит среди них тех, кто высказывает недовольство нашей Революцией».

Требование Ш. де Лямета поддержал Лафайетт, сказав, что присоединяется к нему «всем сердцем».

Однако не все депутаты разделяли их взгляды. Маркиз де Фуко прямо заявил: «Я не знаю, чем кончится это обсуждение; но мой долг заключается в том, чтобы противиться этому всеми силами...». Маркиз выступил за сохранение дворянских титулов, дав понять, что никакое вознаграждение не может вознаградить потерю титула, возлагаемого с употреблением известной формулы, сопровождавшей возведение в дворянское достоинство, «Un tel a été fait Noble et Comte pour avoir sauvé l'Etat à telle heure». Выступление де Фуко не встретило никакой поддержки, Лафайетт же с места возразил ему, что с отменой наследственного дворянства эта формула станет иной: отныне будут говорить не «возведен в дворянское достоинство» «à été fait Noble», но «спас государство в такой час» «a sauvé l'Etat à telle heure», опуская при этом первую часть фразы.

Затем выступил депутат Гупиль де Префельн и прочитал Собранию набросанный им проект постановления: «Титулы герцога и пэра, графа, виконта, барона, маркиза, шевалье и все прочие титулы, связанные с бывшими феодальными и сенсориальными землями, упраздняются и никогда не могут быть восстановлены. Все наследственные почетные титулы упраздняются, и все законы, касающиеся наследственных титулов, отменяются. — Те, кто в нарушение изложенного постановления будет употреблять в публичных или частных актах упраздненные титулы, будут приговорены к 1000 ливров штрафа и вычеркнуты из списка активных граждан. — Всякое титулование Monseigneur и Messeigneurs отменяется, за исключением случаев, установленных ниже. — Те же, кто будет обращаться в Учредительное собрание, в Королевский совет, в какой-либо суд или административную ассамблею, не могут обращаться к ним иначе, как Messieurs. — Титул Monseigneur не может быть дан никому, какого бы состояния и положения ни был, за исключением принцев крови». С последним не согласился Лафайетт, заявив, что «в свободной стране могут быть только граждане и officiers publics. Я могу понять необходимость наследственного существования королевской власти. Но к чему давать титул принцев крови тем, кто, на мой взгляд, всего лишь активные граждане?..».

Граф де Фосиньи предложил перенести обсуждение на утреннее заседание и, когда его не поддержали, сказал, обратившись к депутатам: «Вы хотите уничтожить дворянское достоинство, но существует еще и достоинство (la dignité) банкиров, промышленников, которые имеют двести тысяч экю ренты». Этот выпад будущего «бывшего» (ci-devant) против крупной

буржуазии, как и предложение перенести заседание, вызвавший шум среди депутатов Собрания.

Предложение перенести обсуждение было высказано и аббатом Мори, этим «гренадером, переодетым семинаристом», который многозначительно заметил, имея в виду заседание 4 августа, что «не всегда посреди такого энтузиазма принимались наилучшие решения». Мори заявил, что депутаты в своих выступлениях нападают на сами принципы и институт дворянства, и подчеркнул при этом, что дворянство во Франции «конституционно» и что, «если нет дворянства, нет и монархии».

Однако выступления консервативно настроенных депутатов ни коим образом не повлияли на решимость подавляющего большинства участников Собрания, в том числе и большинства дворянских представителей, добиться отмены наследственного дворянства.

Выступивший на этом заседании герцог де Ноай призвал упразднить «бесполезные титулы, пустые ребячества суетности и тщеславия». Он призвал депутатов признавать только отличия, исполненные добродетели. «Разве говорят, — спросил он, — маркиз Франклин, граф Вашингтон, барон Фокс?.. Эти имена не нуждаются в титулах... их и без них всегда производят с восхищением». Де Ноай присоединился к сделанному ранее предложению и высказался за запрещение ношения ливрей, унижающих достоинство человека.

Президент парижского парламента Ле Пеллетье де Сен-Фаржо и граф Дестю де Траси выступили с требованием, чтобы каждый гражданин носил только фамилию своей семьи и ни в каком случае не именовался по названию поместья. Именно на этом заседании Ле Пеллетье отказался от титулования «де Сен-Фаржо» и просил называть себя отныне Луи-Мишель Ле Пеллетье. Этому примеру, несмотря на призыв де Траси, однако, никто из депутатов не последовал.

Иной характер носило выступление графа де Вирье. Он выразил опасение, что декрет, упраздняющий наследственное дворянство, приведет к еще большим «экссессам», разрушениям замков, церквей и т. п. «Берегитесь, как бы он (народ. — С. И.) не поднял руку на гербы, которые украшают замки, церкви, надгробия. Прошу вас принять во внимание, — продолжал он, — сколь существенно установить правила, согласно которым ваш декрет будет осуществляться, так как не хотели бы, чтобы декрет привнес с собой беспорядок...» Де Вирье выразил убеждение, что «декреты никогда не должны проводиться в жизнь насильем со стороны народа, но исключительно в законном порядке. Насильственные действия, по мнению депутата, обесчестили революцию...» (эти слова вызвали бурную реакцию в зале). «Революцию, которая должна существовать лишь при соблюдении порядка, беспорядок уничтожил бы...».

Последний из выступавших, представитель древнейшей дво-

рянской фамилии граф де Монморанси, отверг идею о конституционности дворянства, противопоставив ей Декларацию прав человека и гражданина, и поддержал предложения, связанные с упразднением наследственного дворянства.

После этого был выработан проект декрета, который и был принят Учредительным собранием. Согласно этому декрету, Учредительное собрание провозглашало, что наследственное дворянство упраздняется навсегда, «вследствие чего титулы принца, герцога, графа, маркиза, виконта, видама, барона, шеваля, мессира и пр. не будут ни приниматься кем-либо, ни даваться кому-либо», что ни один французский гражданин не может носить никакой иной, кроме настоящей фамилии своей семьи, что он также не может ни носить ливрею, ни иметь гербы и, наконец, что титулы *Monseigneur* и *Messegneurs* не будут даваться ни группе лиц, ни какому-либо частному лицу, также и титулы *Excellence*, *Altesse*, *Eminence*, *Grandeur*.¹⁸

С упразднением наследственных дворянских титулов «бывшие» («*ci-devants*»), в том числе и те, которые принимали участие в вотивировании статей декрета, постепенно пришли к осознанию того, что упразднение наследственного дворянства должно было быть и было неизбежно воспринято в широких демократических кругах как призыв к «упразднению» самих дворян. Упразднение дворянства захватило общественное мнение, широко и оживленно обсуждалось в клубах и в печати. В это время появилось великое множество политических памфлетов самых различных оттенков, вплоть до ультра-роялистских, авторы которых вольно или невольно в той или иной степени внесли свою лепту в дискредитацию как отдельных представителей дворянства, так и дворянского сословия в целом. Весьма показательны в этом отношении такие памфлеты, как «*Abolition de la noblesse héréditaire en France*»,¹⁹ «*Grand coup de massue aux aristocrates*»,²⁰ «*Réfutation de l'opinion de M. Necker... concernant les titres, les Noms et les Armoiries*»,²¹ «*L'Anti-aristocrate, ou manière de voir d'un gascon sur les affaires présentes*». ²² Именно в это время появились первые части памфлета уже упоминавшегося нами Ж. Дюлора,²³ обширные познания которого в области генеалогии и истории дворянских родов придали этому памфлету особую основательность, остроту и сделали

¹⁸ *Moniteur universel*. 1790, 21 juin. N 172. P. 702—703.

¹⁹ Библиотека ЛОИИ СССР АН СССР, собрание конволютов из библиотеки князя Воронцова (*Recueil des pièces sur les affaires de France*. Т. 30. N 1490).

²⁰ *Ibid.* Т. 60. N 2249.

²¹ *Ibid.* *Recueil interessant*. Т. 31. N 580 (см. здесь другие памфлеты, направленные против Неккера).

²² *Ibid.* Т. 13. N 202.

²³ *Ibid.* *Bigarure*. Vol. 12. N 3087; *Liste des noms des ci-devant Nobles de Race, Financiers, intrigans et de tous les aspirans à la noblesse, ou escroces d'icelle*. Paris, 1790.

его весьма популярным. С расширением и усилением эмиграции дворянство в глазах общественного мнения было окончательно дискредитировано, и само его существование было поставлено под сомнение, что логично подготовило декретирование особых постановлений, направленных против имущества эмигрантов, которые неизбежно оказались направленными и против дворянства в целом.

Подробное освещение фактической стороны лишь этих некоторых эпизодов «дворянской» истории внутри Французской революции позволяет, нам кажется, сделать предварительные выводы о том, что принятая в историографии интерпретация событий 4 августа (la Sainte-Barthélemi des propriétés) и других на протяжении всего конституционного периода не может быть вполне однозначной.²⁴ В рамках этой интерпретации, трактующей дворянство как реакционную социальную силу, невозможно найти ответы на вопросы, неизбежно возникающие у исследователя. Чем можно объяснить своего рода «республиканский» радикализм этих представителей высшей элиты «второго сословия»? Был ли он продиктован только опасениями перед широким крестьянским движением, охватившим Францию, стремлением во что бы ни стало остановить распространение крестьянской революции? Или может быть крестьянские волнения были лишь благоприятствующим обстоятельством, которое дало возможность представителям либеральной аристократии более решительно выразить свою точку зрения? Каково было соотношение различных общественно-политических течений в дворянском сословии, представленном депутатами Учредительного собрания? В чем причина конституционализма «элитарных революционеров Просвещения»?

Порыв, воодушевление, энтузиазм, с которыми дворянские депутаты декларировали отмену привилегий и титулов, — все это, разумеется, в какой-то мере объясняет радикализм принятых Собранием решений. Вместе с тем нельзя упускать из виду, что в целом ряде выступлений дворянских депутатов отчетливо просматривается определенное направление умов (то, что, как говорится, носилось в воздухе), деятельная работа мысли, своего рода идейное воспитание, побуждавшее искать пути обновления. Анализ ряда выступлений (де Ноая, д'Эгийона и др.) приводит к выводу о том, что депутаты явились на заседание готовыми к принятию радикальных решений, что могло быть обусловлено, помимо прочего, еще и основательной осведомленностью о проектах преобразования общественных отношений, принадлежавших перу выдающихся представителей философской и общественной мысли и собственным участием в составлении такого рода проектов (иначе трудно объяснить, откуда эта четкость понятий и продуманная последовательность предлагаемых статей декретов).

²⁴ Ср.: Манфред А. З. Великая французская революция. С. 75—76.

Не следует также упускать из виду, что отмена дворянских привилегий состоялась в ходе обсуждения декларации прав человека и гражданина, что часть представителей «третьего сословия» колебалась, не решаясь открыто провозгласить права беднейших слоев общества. Что касается дворянских депутатов, то они, как, например, граф де Монморанси, граф де Кастеллан и др., активно участвовали в обсуждении различных проектов и способствовали принятию Декларации уже после отмены дворянских привилегий. Сама же Декларация, несмотря на то, что ее редактирование было поручено депутатам, отнюдь не являвшимся о своем отрицательном отношении к монархии, носила очевидный республиканский характер, поскольку в ней и речи не было ни о королевской власти, ни о «неотъемлемых правах» короля.

В целом проблема дворянства в эпоху Революции представляется одной из сложных, и обращение к ней может быть весьма плодотворным и с точки зрения социально-экономических аспектов сословной истории дворянства, и в области общественно-политической. Ответ на эти и другие вопросы поможет исследователям составить более емкое представление о месте дворянства и отдельных его групп в общем контексте Революции и, используя выражение А. Собыля, «раскрыть законы жизни и смерти феодальной аристократии».

Некоторые тематически связанные материалы

Е.Лебедева. Дворянство и налоговые привилегии накануне революции

<http://enlightment2005.narod.ru/papers/lebedeva1.pdf>

Е.Лебедева. Собрания нотаблей кануна Великой французской революции

и эволюция политических позиций дворянства

http://vive-liberta.narod.ru/journal/lebedeva_fe-85.pdf

З.Иванова. Дискуссии о французском дворянстве

<http://enlightment2005.narod.ru/papers/z-ivanova.pdf>

Л.Пименова. Дворянство накануне Великой французской революции

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p103696073.htm>

Л.Пименова. О некоторых особенностях дворянского сознания на исходе "века Просвещения"

<http://enlightment2005.narod.ru/arc/lpimen.pdf>

Л.Пименова. Просвещение и «дворянский расизм»: особенности идеологии и культуры франц. дворянства XVIII в.

<http://enlightment2005.narod.ru/papers/lpimen3.pdf>

Т.Богданович. Аристократия и народ накануне Французской революции 1789 г.

http://enlightment2005.narod.ru/papers/bogd_arist.htm